

Алла ДУХОВА:

Россия, — 2005. — 17-23 марта. — с. 19

Ноги линейкой я не меряю

Как известно, песни и романсы у нас — о любви. Да и вся музыка, наверное, тоже. А бывают ли танцы о любви? «Да!» — уверенно скажете вы и приведете в пример Галину Уланову, Майю Плисецкую, Владимира Васильева, династию Лиена и... Аллу Духову. Вернее, ее великолепный «Тодес», сумевший за короткое время взлететь едва ли не до высот бывших балетных звезд. И это в эстрадном танце, который всегда считался «низким жанром»? Да и чем можно удивить искушенную публику, повидавшую на своем веку легендарные ансамбли Игоря Моисеева и «Березку», роскошные программы Михаила Годенко и «Современный балет» Бориса Эйфмана?

Беседовал
Сергей Соседов

А вот смогли, а вот удивили. Хореограф-постановщик Алла Духова — натура неумная, подвижная и, как модно сейчас говорить, креативная. Почти фокусница. Шутка ли: собирать огромные залы — причем не только на концертах эстрадных див, коих приходится ярко «оттанцовывать», но и на своих сольных представлениях! Как это — открыть более 20 филиалов собственных школ-студий по всей стране и в ближнем зарубежье и при этом не разориться? Ответ на эти вопросы знает лишь женщина с черной фирменной челкой. В марте балету «Тодес» исполнилось 18 лет. Пора совершеннолетия, расцвет юности. Эту дату коллектив отметил премьерой программы «Танцуем любовь», отгремевшей недавно в готовящемся под снос столичном концертном зале «Россия».

— Я очень довольна прокатом шоу в Москве, — искрится счастьем Духова. — Мы, кажется, впервые показали полноценный спектакль с завершенной сюжетной линией. Но, как говорила Айседора Дункан, танец не опишешь словами. Конечно, это история любви. И хотя автором сценария и режиссером-постановщиком была я, первый раз мы привлекли к работе драматурга — Михаила Шаброва. В роли музыкального продюсера выступил Алексей Гарнизов, а всю музыку написал его сын Денис. Два месяца мы обкатывали спектакль по стране — люди плакали и смеялись, прием был везде восторженный.

— Ваши танцы великолепны. Кто из современных хореографов оказал на вас влияние?

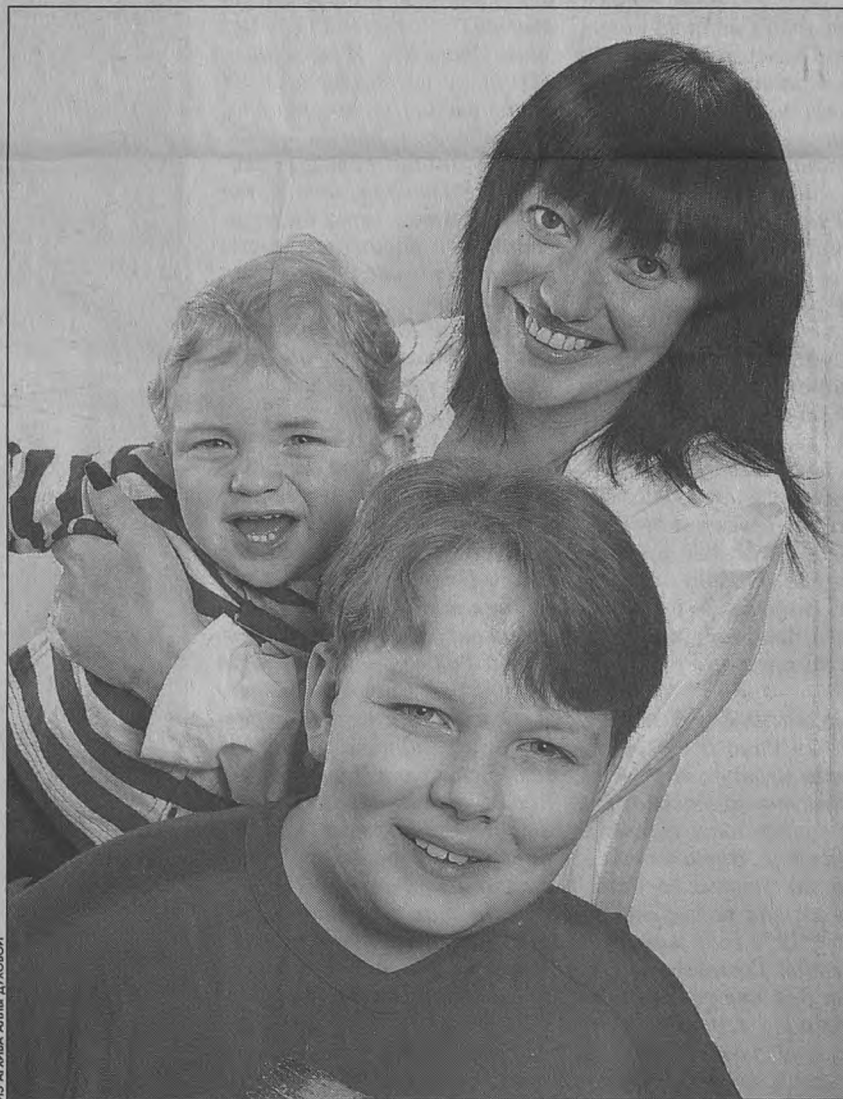
— В детстве моим кумиром был Игорь Моисеев. Я и сейчас его поклонница. В 70-е годы меня вдохновляли также выступления ансамбля «Ритмы планеты» Бориса Санкина — это был их пик, взлет. И все же наибольшее воздействие на меня оказывают такие балетмейстеры, как Мац Эк, Кельян. Безусловно, увлекает (не смеетесь!) то, что делает на сцене Пола Абдул. И, естественно, очень уважительно отношусь к классике. Даже если мы ее не танцуем, это неотъемлемая часть работы — мы занимаемся и станком, и классическим балетным уроком. Это основа основ.

— Вы можете коротко сформулировать, чем отличаются артисты балета эстрадного от классического?

— В первую очередь — режимом работы. Если у артиста классического балета более или менее нормированный рабочий день (репетиции, спектакли распланированы, как правило, на год вперед), то мы порой не знаем, извините, на каком свете находимся (смеется). Мне в любой момент могут позвонить и сказать: «Луся, выручай, вечером (или, к примеру, через два часа) концерт или какая-то тусовка, нам нужны танцы в таком-то стиле». И мы едем. Наши ребята находятся в режиме постоянной работы и практически не выходят из репетиционного зала.

— Я заметил: в танцах «Тодеса» много элементов восточных единоборств, йоги, авангарда. Вы специально это изучаете?

— А как же! Вообще нас лучше было бы назвать театром балета «модерн». Помимо классики мы занимаемся акробатикой, характерным танцем, ушу, классическим и бродвейским джазом, хип-хопом и всеми новомодными направлениями.

Хорошему танцору дети не мешают

ми. Увидим что-то новое, перспективное — и сразу приглашаем соответствующего педагога. Пластика танцоров должна быть универсальной, безграничной.

— Насколько вы лояльны к юным артистам, которые к вам приходят? Не секрет, что они многого не знают и не умеют...

— Дело не в этом. Просто лентяям здесь не место. У меня замечательные помощники — это «старички» из первого состава «Тодеса», которым сейчас по 36–37 лет. Они знают все наши традиции, требования и прививают эту культуру работы новичкам. Нужно быть фанатично увлеченным, уметь выдержи-

вать сумасшедшие нагрузки, практически отказаться от личной жизни. Не каждый артист (даже молодой!) на это способен. Бывает, приходят с шапкозакидательскими настроениями: я все умею, все могу, все ништяк! А потом, поработав день-другой, понимают: для того чтобы что-то смочь, нужно так вкалывать! И естественным образом отсеиваются.

— А есть ли физические критерии отбора — рост, вес, длина ног и прочее?

— Все это относительно. Главное, чтобы в человеке была изюминка, искра божья. К нам приходили де-вушки-пампушки с приличным ве-

сом и божились: «Мы похудеем, мы докажем!» И худели, и доказывали, и, конечно, я их принимала. А бывает наоборот: внешние данные безупречные, а глаза потухшие, энергетика в человеке никакой. Что касается роста, то он, пожалуй, и вовсе не имеет значения. У нас есть и двухметровые танцовщики, и метр пятьдесят девять. Так что ноги линейкой я не меряю.

— Тодес — элемент парного фигурного катания. А что это слово означает в танце?

— В балете такого термина нет. Это название для коллектива мы выбрали лишь потому, что оно красиво звучит, значительно. И много позже от Ирины Родниной, нашей легендарной фигуристки, я узнала, что переводится оно с немецкого как «смертельная спираль», потому что тодес — невероятно сложный трюк.

— Мне кажется, признание «Тодеса» западным зрителем обусловлено и вашим тонким чувством эстетики варьете. Ведь ваша юность прошла в Риге, где этот жанр процветал даже в советские годы...

— Конечно, я ходила в варьете, но не так часто, потому что много времени отнимали занятия танцем. У нас был народный коллектив «Ивушка». Мы танцевали русские, латышские, польские, венгерские танцы, фрагменты из балетов Кара-Караева, Хачатуряна... Это прекрасная школа, но я всегда тяготела к современному танцу. Как учились? Естественно, что-то перенимали из варьете, что-то «снимали» с телеэкрана во время показа западных роликов в программе «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», что-то додумывали сами...

— Вы часто ездите в Ригу. Не секрет, что сейчас там активно переписывается военная история, нагнетаются антирусские настроения. Вы ощущаете это на бытовом уровне?

— Нет, абсолютно. Мои рижские друзья относятся ко мне так же, как прежде. Не сталкивалась я с русофобией ни на рижских улицах, ни в магазинах, нигде. Мне даже кажется, что в советское время бытового национализма в Латвии было больше. Но, конечно, меня крайне расстраивают эти политические заявления об оккупации Латвии Россией, призывы к изгнанию из Латвии русских и т.д. Думаю, это какое-то глупое недоразумение, которое вскоре должно мирно разрешиться. Ведь есть же мудрое житейское наставление: никогда не ссорься с соседями.